

С ГНЕВОМ, С ГОРДОСТЬЮ

Роман Владимира ДУДИНЦЕВА «БЕЛЫЕ ОДЕЖДЫ»

ДО ЧЕГО порой странно, парадоксально складываются писательские судьбы! Иной прозаик, точно исправный, отлаженный конвейер, «выдает» повесть за повесть, роман за романом, однако популярность его измеряется разве что общим тиражом изданных книг. Потому что большинство вещей такого плодотворного сочинителя замешено на дрожжах конъюнктуры, написано по известному принципу «чего изволите»... К счастью, я бы даже сказал к великому счастью, в литературе нашей есть явления совсем другого порядка. Автор напишет всего одну книгу, но книга эта сразу становится событием, порождает волну вопросов, полемик, дискуссий — везде и повсюду, на самых разных уровнях. Случается, правда, что произведение вызывает эхо столь мощное, настолько возбуждает всю нашу мыслящую общественность, что... Впрочем, давайте вспомним судьбу Владимира Дудинцева и его романа «Не хлебом единым».

Написанный более тридцати лет назад, роман этот произвел тогда в полном смысле слова эффект разорвавшейся бомбы. Никто в те годы не осмеливался еще с такой яростью и беспощадностью изобличать один из самых наших застарелых пороков, именуемый бюрократизмом. Никто еще с такой смелостью не писал, не показывал, сколько экономического ущерба, вреда, искалеченных судеб на совести этой страшной машины... В. Дудинцев и сам тогда ползал под колеса этой машины. Вокруг романа создалось негативное «общественное мнение», произведение было объявлено чуть ли не крамольным.

И вот, спустя тридцать лет, журнал «Нелка» в четырех первых номерах за нынешний год публикует новый роман В. Дудинцева «Белые одежды».

Думаю, не только из уважения к В. Дудинцеву как писателю-гражданину, но только потому, что автор «Не хлебом единым» некоторое время был в «опале», наш массовый читатель сразу набросился на его роман. Забегая вперед, хочу сразу отметить, что «Белые одежды» производят впечатление крепкой, основательной, добротой сделанной вещи, каковой всегда является произведение выстраданное, выношенное, рожденное годами и годами упорного труда. Не исключено, что все эти тридцать лет и были положены на создание романа «Белые одежды» — романа, где опять же под прицел взята цитадель бюрократизма.

Да, я намеренно называю «Белые одежды» произведением антибюрократическим. Хотя признаю: содержание романа этим далеко не исчерпывается. Но и мой подход, думаю, вполне правомерен. Почему?

Роман В. Дудинцева по всем своим реалиям обращен к прошлому, воспроиз-

водит едва ли не с документальной точностью недоброй памяти кампанию против «морганистов-вейсманистов», кампанию, которая, по утверждению авторитетных ученых, затормозила, заморозила развитие одной из важнейших отраслей естествознания на многие годы. Думаю, нет особой необходимости доказывать, что трагедия, постигшая советскую генетику, основы которой закладывали ученые с мировым именем, есть еще один «штрих к портрету» культа личности, еще одно печальное явление той поры. Но мне кажется, роман «Белые одежды» написан не только и не столько ради восстановления исторической справедливости. Думаю, если бы В. Дудинцев ставил лишь такую цель — свести задним числом счеты, вывести на чистую воду всех тех, кто ради корыстных интересов совершил, по сути, преступление перед наукой, — роман представлял бы главным образом сугубо познавательный интерес. «Белые одежды» в этом случае просто-напросто лишь стирали бы одно из «белых пятен» на исторической карте нашей отечественной науки.

Однако В. Дудинцев — и в этом я вижу его главную заслугу — через показ мрачных событий прошлого, воспроизведенных, повторяю, почти с документальной достоверностью, вскрывает истоки, корни, первопричины многих наших нынешних недостатков, бед, застойных явлений.

Ведь трагедия, постигшая в те времена нашу генетику и всех, к ней причастных, стала возможной и неотвратимой потому, что в науке утвердились дутые авторитеты, облеченные правами полной «экстерриториальности», не подлежащие никакой критике, не терпящие никаких «но». Иначе говоря, в науку, как, впрочем, и во многие другие отрасли — экономику, хозяйство, культуру, — пришел его величество бюрократ.

И вот тут позволю себе маленькое отступление. В силу многих причин у нас сложилась весьма и весьма прочная традиция в восприятии и в истолковании как бюрократизма в целом, так и отдельных его «особей» в частности. Стоит произнести слово «бюрократ» — и в воображении сразу предстает некто — в кресле, с плечью, брюшком и холодной, непроницаемой физиономией. И вот это «мурло» чинуши, столь зримо воспроизведенное во многих произведениях литературы, столь ярко разрисованное в бесчисленных карикатурах, столь удачно скопированное многими артистами театра и кино, создало некий стереотип в восприя-

тии бюрократа, заслонило главную его сущность. Мы забыли — во всяком случае крайне редко вспоминаем — ленинские слова: «Бюрократия... наш враг...» «Бюрократы — ловкачи, многие мерзавцы из них — архипроидохи. Их голыми руками не возьмешь».

А теперь еще одна выдержка — уже непосредственно из романа «Белые одежды».

«Вообрази себе, — говорит Федору Дежину полковник госбезопасности Свешников, — самого практичного трезвого эгоиста-буржуа. Представь теперь, что его сбросили к нам на парашюте. Экспериментально. Где-нибудь в самом центре советской действительности... Что он будет делать в самом центре советской действительности? Жить-то хочет. И не как бог даст хочет жить, а хорошо. Федор Иванович, он прежде всего осмолится. Внимательно изучит все и скажет: ого, и тут можно жить!.. Он будет делать то, что скорее всего приведет его к власти и к благам. Будет кричать наши специфические слова. Есть такие слова, которые у советского человека все силы отнимают. Вот он их и начнет кричать. И полудит то, что ему нужно».

И далее:

«... Зло маскируется под добро! Парашютист, он же сначала пойдет в колхоз, на ферму, чтобы вымазаться натуральным навозом. Чтоб потом можно было говорить: «я — рабочая костьочка». Это ведь ключ. Да еще какой! Ко всем дверям!»

Полагаю, здесь не требуется особых умственных усилий, чтобы довести эти рассуждения до логического конца. Уж коли дела сознательный враг, ловко, умело используя такой «плацдарм», как бюрократия, вполне может сойти за «красного» и даже получить «власть и блага», то сколько же невежд и чамов могли сделать себе карьеру подобным образом?!

Вообще на эти слова, вложенные в уста старого, опытного чекиста, хотелось бы обратить особое внимание. Ибо именно здесь, на мой взгляд, зложена главная мысль романа, проливающаяся с одной стороны, яркий свет на многие негативные явления тех лет, а с другой — позволяющая нам выявить суть многих нынешних наших недостатков и бед, ибо такова, если вдуматься, их «родословная».

О культе личности, его истоках, причинах и последствиях написано у нас немало — как в художественной литературе, так и в исторических исследованиях. Но, мне кажется, никто еще не попытался взглянуть на это сложное явление как на своеобразное порождение бюрократизма, рождающее в свою очередь, по закону цепной реакции, все новые и новые бюрократические формы, методы, стили, даже целые институты. В. Дудинцев, на мой взгляд, именно такую попытку и предпринимает; и хотя эта версия ни в коем случае не претендует на универсальность, в ней, несомненно, есть немалая доля истины. Причем писатель выстраивает свою систему доказательств не в виде голых сентенций и абстрактных умозаключений, но путем художественного исследования, через живые человеческие характеры, отдельные из которых с полным основанием могут быть названы типами, героями своего времени.

Своеобразное первенство здесь, безусловно, принадлежит Касьяну Демьяновичу Рядно. Когда читаешь страницы романа, где повествуется о головокружительной карьере этого «народного академика», о том, как, сумев втереться в доверие к Сталину, он сам стал «кумиром» и принялся вершить свои черные, грязные дела, невольно вспоминаешь еще одного «выходца» из народных низов — Гришку Распутину (кстати, в эпилоге романа Федор Иванович Дежкин, пусть про себя, не вслух, но именно так и называет своего бывшего наставника, «батьку»). Ибо перед нами явления одного, в общем-то, порядка — воинствующий невежда, достигший благодаря счастливому стечению обстоятельств невиданных высот и стремящийся как можно больше урвать, как можно прочнее утвердиться, попользоваться своим «авторитетом» и «влиянием». Псевдоакадемик Рядно есть, пожалуй, самая наглядная иллюстрация к наблюдениям и выводам полковника Свешникова; и даже тот факт, что он не принадлежит к сознательным врагам Советской власти, сути дела не меняет. Потому что вся научная и общественная «деятельность» этого «знахаря» — не что иное, как бурный поток воды, низвергающейся на мельницу наших врагов. Вместе с тем повествование о «сенсационных открытиях» Касьяна Рядно, о том, как эти «открытия» наглухо закры-

вали дорогу в науку настоящим ученым, раскрывает перед нами многие тайные пружины и механизмы бюрократической машины. Той самой машины, которая правила всем государством и приводные ремни от которой крутили маховики всех отраслей народного хозяйства, экономики, науки, культуры. В романе немало сцен, где мы воочию видим, какая это темная, страшная сила — бюрократизм; обладая неограниченными полномочиями и правами, сила эта обращает честных людей в лицемеров, затыкает рты всем «несогласным», а истинных ученых заставляет публично отречься от своих убеждений.

Однако роман В. Дудинцева преисполнен не только боли и гнева, но и гордости — за тех ученых, которые, в полном смысле риска жизнью, нашли в себе достаточно смелости и мужества, проявили истинно военную хитрость, чтобы спасти бесценное научное наследие, созданное советской генетической школой. Здесь, я полагаю, нельзя не упомянуть имен, не даю, хотя бы в нескольких словах, характеристики всем тем, кого автор, по аналогии с известным библейским сказанием, называет людьми в «белых одеждах». Это Федор Иванович Дежкин, сумевший блестяще провести операцию «двойная игра», оклапачить, одурачить и самого «батьку», и его верных холоуев; это академик Светозар Алексеевич Посошков, отважившийся публично разоблачить Рядно и затем покончивший с собой; это профессор Натан Михайлович Хейфец, мужественно защищающий свое призвание; это Иван Ильич Стригалева — едва ли не самая трагическая фигура в романе, ученый, сделавший важное открытие, прославивший на весь мир советскую генетику, но получивший «в награду» длительный срок и скончавшийся в местах заключения; это уже упомянутый полковник Свешников, человек, который, будучи совершенно далеким от науки, не дрогнув, пожертвовал ради науки своей жизнью...

Каждый из этих персонажей, что называется, бесспорная авторская удача. И тут невольно бросается в глаза своего рода диспропорция, точнее сказать, дисгармония в изображении героев положительных и отрицательных. Как это ни покажется на первый взгляд странным, но люди в «белых одеждах» выписаны автором гораздо достовернее, нежели их антиподы (хотя — и примеров тому несть числа — зачастую в современной нашей прозе мы наблюдаем обратное: герои-подлецы, герои-негодяи прямо-таки «блистают» рядом с благородными персонажами, на столько последние безлики и чудотворны).

Мне кажется, объяснить эту «странность» не составляет особого труда. Автор в данном случае оказался в плену отрицательных эмоций; настолько возненавидел он проходивцев от науки, настолько возмущал справедливому суду над ними, что не устоял перед соблазном сотворить из этих «деятелей» откровенные пародии, карикатуры. Если фигура Касьяна Рядно получилась и колоритной, и убедительной потому, что автор сумел воздать должное этому человеку, высветить в этой мрачной личности и такие качества, которые вызывают невольное уважение, то при воссоздании ближайшего окружения Рядно В. Дудинцев ударился в чистой воды фельетонизм. Вот почему рядом с сильной и по-своему незаурядной личностью «батьки» все его сообщники и «карликовый самец» Саул Брузжак (кстати, совершенно непонятно, в честь чего автор сделал этого героя однофамильцем верного сподвижника Павки Корчагина — Сережи Брузжака), и «кальпинист»-доносчик Краснов, и ученая курица Шамкова, и трусливая чета Венярыльских выглядят мелкой, холопской, околонушной сошкой.

Можно предвзять некоторые претензии и к сюжетостроению романа. Основная интрига «Белых одежд» держится на «двойной игре» Федора Дежкина, однако, мне кажется, автор порой излишне падалирует этот, в общем-то, интересный и вполне логичный прием, отчего в иных главах Дежкин выглядит не столько ученым, сколько этаким Штирлицем от науки. Есть в романе и неоправданные длинноты. Понятно, конечно, что в произведении, воссоздающем перипетии сложнейшей борьбы в научном мире, никак не обойтись без затяжных монологов, разъяснений, отступлений — эти многословия и уместны, и даже необходимы. Но вот когда герои В. Дудинцева от проблем научных переключаются на проблемы общечеловеческие, общеполитические, здесь, прямо скажем, многое звучит, скажем так, привычно.

Автор, думается, напрасно решил установить в отдельных главах связь изображаемых им событий с современностью по «прямоим проводу». — через многословные философские рассуждения. Особой надобности в том не было, поскольку сами события поданы, преподнесены в такой «инструментовке», что не уповить их глубокой внутренней связи с современностью, их созвучие нашим сегодняшним заботам, тревогам, устремлениям может только человек, совершенно лишенный читательского слуха.

Как сказано в той же Библии, из которой заимствовано само название романа, «имеющий уши да слышит».

Владимир ШАПОШНИКОВ
НОВОСИБИРСК